

Они решили, что мы сгнули, но ошиблись. Решили, что мы погибли, но ошиблись. Шатаясь и скользя, мы дружно вывалились из древней тьмы в напоенную сияньем долину, и лучи солнца обрушились на нас. Весь мир блистал ледяными и снежными кристаллами. Прикрываясь ладонями, как козырьками, от слепящего света, мы с удивлением воззрились друг на дружку. Кожа наша, в порезах и синяках, почернела от языков пламени, на губах запеклась кровь. Но глаза наши сверкали радостью, и мы засмеялись, мы ощупали себя для верности, и все вместе зашагали в сторону Стонигейта. Там, внизу, соседи пытались найти нас среди сугробов, в спешке разгребая снег. Полицейские прочесывали реку тралом в надежде выудить со дна. Но первыми нас увидели и побежали навстречу дети. В их голосах звенели изумление и радость: «Вот же они! Э-ге-гей, они живы!» Ребята сгрудились вокруг и разглядывали нас, словно каких-нибудь призраков, порожденья чьих-то кошмаров. «Живые! — шептались дети. — Только поглядите на них. Смотрите, в каком они виде!»

Да, мы были живы, — те самые потеряшки, будто мановением волшебной палочки возвращенные в этот мир: Джон Эскью, почерневший мальчик с ко-

стяными ожерельями и рисунками на коже; Элли Кинан, добрая-и-злая «ледяная девочка» с серебристой кожей и острыми пальцами-когтями; дикий пес Джакс. И я — Кит Уотсон, с полной головой старинных историй и с горстью древних камушков, зажатой в кулаке.

Мы так и продолжали свой путь, к нашим домам, а дети все шептались и хихикали поодаль. А мы улыбались, пока не начало сводить скулы. Кто бы подумал, что мы вернемся такие счастливые, — после всего того, что нам пришлось пережить? Порой казалось, что свет так и не явится, этому просто не будет конца, и мы вовсе растворимся во тьме, без остатка. А началось все с игры — игры, в которую все мы играли той осенью. Впервые я сыграл в нее в тот самый день, когда часы перевели назад.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСЕНЬ

РАЗ

В Стонигейте имелся свой пустырь. Такое пространство меж домами и рекой, где был когда-то рудник. Именно там мы играли в игру, которую придумал Эскью, в игру под названием «Смерть». Мы собирались, бывало, у школьных ворот, сразу после звонка. И вот стояли теперь тут, перешептываясь и хихикая. Спустя пять минут Бобби Карр объявил нам, что время пришло, и повел через пустырь к логову Эскью — вырытой в земле глубокой норе, вход был закрыт парой старых дверей, служивших заодно и крышей. От школы и домов Стонигейта это место заслонял зеленый склон холма, а саму нору надежно прятали высокие травяные заросли. Дикий пес Джакс уже ждал нас там. Когда он зарычал, Эскью оттащил одну дверную створку в сторону. Он поднял голову, всмотрелся в наши лица и предложил спуститься.

Один за другим мы на нетвердых ногах сошли по рассыпающимся под ногами ступеням и присели на корточки вдоль стен. Пол здесь был из утоптанной глины, в стенных нишах горели свечи. В углу была собрана кучка старых костей. Эскью уверял, что кости человеческие: он их обнаружил, раскапывая это место. Еще там была черная яма, где зимою разжи-

гался огонь. Стены логова покрывала сухая грязь, в которой Эскью рисовал картины, — там были все мы, разные животные, наши собаки и кошки, дикий пес Джакс, воображаемые чудища и демоны, райские врата и щелкающие челюсти ада. Он начертил на стенах наши имена: список всех тех, кто здесь умер. Моя подруга Элли Кинан сидела у стены прямо напротив меня. Пустота ее взгляда говорила: здесь, внизу, ты сам по себе.

На Эскью были черные джинсы, черные кроссовки и черная же футболка с белым названием рок-группы на груди: *MEGADETH*. Он прикурил сигарету и пустил ее по кругу. Следом по кругу двинулся и кувшин с особой водой. Эскью сказал, что набрал кувшин в ручье, пробивавшемся из заваленных туннелей древней угольной шахты глубоко под нами. Он присел в центре, затачивая свой ножик о камень. Его темные волосы колыхались у самых глаз, в свете свечей мелькало бледное лицо.

— Вы явились в это древнее место, чтобы сыграть в игру, называемую «Смерть», — прошептал Эскью.

Свой ножик он положил в середину квадратного куска стекла. Обвел взглядом нас всех. Мы кусали губы, сдерживая дыхание и прислушиваясь к грохоту наших сердец. Порой слышался чей-то испуганный писк или сдавленный смешок.

— Кому пришел черед умереть? — прошептал Эскью.

И крутнул свой ножик.

А мы затагнули нараспев: «Смерть, смерть, смерть, смерть...»

Потом этот ножик, прекратив вращение, указал на одного из игроков.

Этому игроку полагалось потянуться вперед и взять Эскью за руку. Тот втаскивал его в центр нашего круга.

— Сегодня один из нас умрет, — произнес Эскью.

Игроку полагалось встать перед Эскью на колени, а затем и на четвереньки. Дышать нужно было глубоко и медленно, а потом все быстрее и быстрее. Игрок должен был запрокинуть лицо и встретить взгляд Эскью. Тот выставил перед игроком ножик.

— Отрекаешься ли ты от жизни? — спросил Эскью.

— Отрекаюсь.

— Желает ли ты смерти?

— Желая.

Опустив руку на плечо игроку, Эскью тихо пошептал ему на ухо, затем прикрыл ему глаза двумя пальцами — большим и указательным — и произнес:

— Смерть пришла.

После этих слов игрок замертво падал на каменный пол и лежал не шевелясь, пока остальные выстраивались вокруг кольцом.

— Покойся с миром, — сказал Эскью.

— Покойся с миром, — вторили ему остальные.

Откинув в сторону дверную створку, Эскью позволил нам вылезти наружу, а сам выбрался последним. Возвращая дверь на прежнее место, он оставлял мертвеца в крошечной темноте.

Все вместе мы развалились в высокой траве, нежась в лучах яркого солнца подле сияющей бликами реки.

Эскью присел на корточки поодаль от всех. Курил сигарету, всем телом подавшись вперед, утонул в своих мрачных думах.

Мы ждали, когда же мертвец вернется.

Порою покойники возвращались к нам быстро, а иногда на это уходила целая вечность. В такие дни шепоток и смешки быстро таяли. Мы опасливо поглядывали друг на друга, вгрызаясь в ногти. Шло время, и самые нервные поднимали свои школьные ранцы, со страхом косились на Эскью и отправлялись домой, в одиночку или по двое. Иногда мы шептались: не приоткрыть ли дверцу, чтобы проверить, в порядке ли наш друг, но Эскью огрызался, даже не поворачиваясь: «Нет. Время у смерти течет по-другому. Разбудите его теперь, и он на веки вечные останется мертвым».

Поэтому мы молча ждали, трепеща от ужаса, хотя в конце концов возвращались все. Наконец мы заметили белые пальцы, схватившие дверь снизу. Половинка двери съехала в сторону, и игрок выбрался наружу. Моргнул от яркого света, уставился на нас, —

с изумлением и застенчивой улыбкой на лице, словно очнулся вдруг ото сна, который его потряс.

Эскью даже не шевельнулся.

— Вот вам и воскрешение, — пробормотал он, сухо фыркнув.

Мы собрались вокруг мертвеца.

«На что это похоже? — шептал каждый. — Как там было?»»

Оставив Эскью сидеть у реки в одиночестве, мы зашагали назад через пустырь, и мертвец шел с остальными, в самой середине.

